

Когда опустились сумерки, Сэ Чанмин не стал погружаться в медитацию. Вместо этого он некоторое время размышлял о делах, связанных с Павильоном Хранения Книг.

На столе всё ещё белели приготовленные с вечера листы талисманной бумаги и тускло поблёскивала свежерастёртая тушь.

Взяв тонкую кисть, он слегка обмакнул её в тушь и привычным, выверенным движением принялся выводить на бумаге пухлый силуэт неуклюжей птицы. Штрих за штрихом: сначала круглая голова, затем короткий клюв, а в самом конце — цепкие лапки.

Поставив две капли туши вместо глаз, Чанмин осторожно подул на рисунок. И едва подсохшая тушь ожила: нарисованная фигурка отделилась от бумажного листа и уверенно спрыгнула на деревянную столешницу, забавно переминаясь с лапки на лапку.

Подперев подбородок рукой, он молча наблюдал за её неуверенными шагами в неверном свете масляного светильника.

Сквозь неплотно прикрытую оконную раму просочился ночной сквозняк. Стоило прохладному воздуху высушить влажную тушь, как чернильная фигурка, лишившись поддержки духовных сил, вмиг рассыпалась безжизненным тёмным порошком.

Иллюзия всегда остаётся лишь иллюзией.

Чанмину же нужно было нечто настоящее.

Посмотрев на бесформенное пятно, оставшееся на листе, он не стал выбрасывать испорченную бумагу — аккуратно сложил её в выдвижной ящик стола, после чего поднялся и задул пляшущий огонёк свечи.

Опустившись на постель, Чанмин выбросил из головы лишние мысли и быстро погрузился в сон. Но этой ночью покой его нарушило сновидение.

Снился ему Сэ Сяоци. Малыш взгромоздился на его плечо и, взъерошив перья от непонятной обиды, смешно склонял голову набок, упрямо норовя клюнуть хозяина прямо в макушку.

Капризы и каверзы этого существа были для Чанмина делом привычным. Он никогда не принимал их близко к сердцу и теперь во сне лишь продолжал заниматься своими делами, не обращая на бунтовщика никакого внимания.

К тому же Сяоци был тем ещё слабаком — его короткий и тупой клюв при всём желании не мог причинить хоть сколько-нибудь ощутимой боли.

Не дождавшись ответа, Сяоци пришёл в неопишную ярость. Громко захлопав крыльями, он сердито перелетел на письменный стол и яростно раскидал лежащие там бумаги, пока не добрался до тонкой тетради с огромными, редкими строчками.

Обмакнув лапы прямо в каменную тушечницу, наглец принялся с ожесточением штамповать чернильные следы по чистым страницам.

И действительно, этот бестолковый комок перьев не только не умел принимать человеческий облик, но даже связать двух слов не мог. Ради хоть какого-то понимания Чанмину пришлось составить для него особый словарик из самых простых понятий. Стоило Сяоци захотеть выразить свою мысль, как он тут же находил нужное слово и шлёпал по нему грязной лапой.

Закончив свой «труд», Сяоци взлетел, держа испачканную тетрадь в клюве, и бросил её прямо перед лицом хозяина. На раскрытом развороте красовались жирные отпечатки напротив двух слов: «Мерзавец! Негодяй!».

— Пи-пи! Чирик-чирик!

Промучившись всю ночь под аккомпанемент воображаемого птичьего гомона, Чанмин проснулся задолго до первых лучей солнца, чувствуя себя на редкость разбитым.

Паршивец мелкий.

Сэ Чанмин тяжело вздохнул.

«Если этот облезлый недотёпа всё-таки найдётся, — мрачно подумал он, — первым делом запру его в одной клетке с болтливым попугаем. Пусть хоть говорить научится».

Прежде подобные садистские мысли его не посещали, и издеваться над птенцом он не планировал. В первый год после перерождения Чанмин лелеял совсем другие мечты. Он обещал себе, что, как только отыщет Сяоци, тут же отстроит для него просторную усадьбу прямо у целебного духовного источника. Окружит её непроходимой стеной из вековых тунговых деревьев, чьи кроны подпирают небеса, чтобы ни одна чужая душа не смела нарушить их покой. А в саду насадит раскидистых деревьев с редчайшими духовными плодами, до которых птица была так падка.

Думал даже перенести туда целое горное озеро, посреди которого высился бы рукотворный остров, усыпанный отборным жемчугом и сияющими самоцветами.

На территорию усадьбы не допускалась бы ни одна посторонняя птица — исключительно ради того, чтобы Сяоци не вздумал завидовать чужому пышному оперению. Разумеется, кошкам и прочим хищникам вход туда тоже был бы заказан навсегда.

В тенистых рощах паслись бы кроткие белые олени, в прозрачных водах резвились косяки летучих рыб, и вся эта живность находилась бы в полном и безраздельном подчинении у Сяоци.

Вот только в первый год Сяоци так и не объявился.

К исходу второго года Чанмин поумерил аппетиты: найдись беглец тогда, они бы просто поселились в какой-нибудь заброшенной горной обители. В таком месте обычно дремали остатки духовных жил — вполне достаточно, чтобы прокормить небольшой орден. Да и скромные постройки там обычно сохранялись в относительном порядке, радуя глаз аскетичной древней красотой. А уж цветущие персиковые сады и прохладные заводи довершили бы живописную картину уединения.

Но вот шёл уже четвёртый год, а Сэ Чанмин так и не напал на след своего облезлого недоразумения.

В благодушном настроении он мысленно звал птицу «Сяоци», в дурном же — не иначе как «Сяо Тумао». И сейчас его терпение явно лопнуло, а настроение скатилось к нулевой отметке.

О новой роскошной усадьбе этот дезертир мог больше и не мечтать. Зброшенная благодатная обитель ему тоже больше не светила. Стоит только поймать этого Сяо Тумао, как он тут же будет заперт в тесной клетке и принуждён к жесточайшим тренировкам. Пока не явит человеческий облик — не выйдет на волю. Пока не научится говорить — не получит ни единого кедрового орешка.

Чанмин просто злился. Злился открыто, имея на то полное право.

Большой вопрос — с какой стати? Больше десяти лет кормить, поить, холить и лелеять это пернатое существо, чтобы оно в один прекрасный день просто вильнуло хвостом и растворилось в неизвестности, совершенно не заботясь о чувствах своего хозяина? Где это видано?

Его обида была праведной, а гнев — кристально чистым и справедливым.

Он начисто упускал из виду тот факт, что в этой жизни ещё не растил Сяоци ни единого дня. Более того, глупая птица могла переродиться в совершенно ином облики и носить совсем другое имя. Возможно, на краю сознания Чанмин и понимал это, но категорически отказывался признавать, что все его страдания и поиски могут оказаться напрасными.

Слегка укротив свой гнев, новоявленный «простака» устроился поудобнее и провёл пару часов в медитации, восстанавливая душевное равновесие. Как только окончательно рассвело, он поднялся и направился к подножию горы, где располагалась ученическая трапезная.

Он рассчитывал сразу после завтрака навестить в Павильон Хранения Книг, однако планы

нарушило послание от господина Сюя. Распределение послушников завершилось: Чанмина определили в Сад духовных растений присматривать за плодовыми деревьями. Ему следовало немедленно предстать перед взором смотрителя сада — Истинного человека Луньина.

Сад духовных растений раскинулся на склонах Пика Тысячи Послушаний. Хотя тот и находился поодаль от жилого Пика Зелёного Пришествия, перемещение не доставляло хлопот — на вершине исправно функционировали сразу три транспортных массива.

Ступив за пределы мерцающего круга телепорта, Чанмин отсчитал сотню шагов по извилистой тропе и вышел напрямик к Саду Нефритовых Трактатов — уединённому уголку, отведённому исключительно под редкие духовные плоды.

Хозяин пика, Истинный человек Луньин, являл собой классический образец бессмертного мудреца, сошедшего со старинных гравюр: длинная белоснежная борода, такие же седые волосы и просторные летящие одежды, подчёркивающие его отрешённый от мирской суеты облик.

Озвучив свод правил Сада Нефритовых Трактатов и распределив часы дежурств Чанмина, старец замолчал, продолжая стоять на месте с загадочным видом.

Чанмин уже вежливо сложил ладони в прощальном жесте, намереваясь откланяться.

Однако Луньин замаялся, бросил на юношу испытующий взгляд и негромко окликнул его:

— Постой. Раз уж ты здесь, есть для тебя особое поручение.

С этими словами он извлёк из-за спины изящную бамбуковую корзину, доверху наполненную спелыми, сияющими плодами, и протянул её Чанмину.

Разумеется, это подношение предназначалось вовсе не безродному послушнику, а высокомерному обитателю вершины Пика Зелёного Пришествия — Божественной птице Шэн Лююй.

Чанмину меньше всего хотелось вновь пересекаться с капризным юношей, поэтому он поспешил вежливо отказаться:

— Боюсь, я не самый подходящий вестник. Вчера у нас с молодым господином Шэном вышло небольшое недоразумение.

Но Луньин лишь недовольно нахмурился:

— Пустяки! Вы оба совершенствуетесь под началом Истинного человека Шанлиня, так что вас

связывают узы товарищества. Пара резких слов между юношами — дело житейское. Если откажешься идти ты, мне что, самому туда тащиться?

— Разумеется, нет, — поспешил согласиться Чанмин.

— Ну вот и отлично, — Лунъин, довольный своей победой, заговорил мечтательным тоном: — Будешь носить ему плоды почаше, а как примелькаешься — пригласишь его разделить со мной трапезу.

Но тут же осёкся, вспомнив, что Божественная птица Шэн Лююй чужда мирской суете и вряд ли станет притрагиваться к обычным яствам. Поправившись, он предложил составить компанию за кубком доброго вина. Следом старик спохватился, что Шэн Лююй едва исполнилось пятнадцать, и алкоголь юнцу не по возрасту. Почесав затылок, он выдал окончательный вердикт:

— Чай! Предложи ему отведать изысканного чаю, заваренного на талом снеге, собранном триста лет назад на вершинах священных гор.

В Академии Лулинь каждый встречный и поперечный мечтал заручиться благосклонностью Птицы Вечного Света. Ходили слухи, что это священное создание способно внимать самой воле Небес, предначертания которых и вершат судьбы смертных. Жизнь полна разочарований, и когда человек заходит в тупик, не в силах отыскать ответы на свои вопросы, ему остаётся лишь уповать на слепую милость Небес.

О какой неисполненной мечте тайно тосковало сердце почтенного Лунъина — оставалось только догадываться.

Настаивать на своём дальше было глупо и невежливо. Чанмин молча подхватил плетёную корзину и не торопясь двинулся по направлению к вершине Пика Зелёного Пришествия.

Дорога предстояла долгая. Использовать духовные техники для полёта на глазах у всех послушнику не полагалось, поэтому Чанмин шёл пешком, от скуки лениво перебирая плоды в корзине. Как назло, среди них не оказалось ни одного из тех, что так любил выпрашивать Сяоци. Концентрация духовной энергии в них, конечно, зашкаливала, но на вкус эти деликатесы наверняка напоминали пресную траву.

Впрочем, вкусы благородной Птицы Вечного Света вполне могли отличаться от пристрастий его домашнего прожорливого комка перьев.

Стоило миновать середину склона, как тропа опустела. Чем круче уходил подъём, тем реже доносились отголоски чужих голосов, пока вокруг не воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным шорохом его собственных шагов.

У самого пика взгляду открывались ворота усадьбы с лаконичной каллиграфической надписью на вывеске: «Двор Разреженного Ветра». Жилище божественной птицы не поражало исполинскими размерами, однако по сравнению с убогой лачугой, где Чанмину приходилось ютиться в компании ещё семерых послушников, этот дом казался настоящим роскошным приютом.

Тяжёлые дубовые створки были плотно заперты, вокруг царило полное безлюдье — хозяин не соизволил обзавестись даже парой молчаливых слуг у входа. Вспоминая помпезное прибытие молодого господина Шэна в академию, Чанмин невольно ожидал увидеть здесь целую свиту из пары десятков слуг и личных телохранителей.

Странности на этом не заканчивались: у самого крыльца буйно разрослись колючие ветви дикой розы, живой изгородью преграждая единственный путь к парадным дверям. Будто кто-то намеренно пытался отгородиться от назойливых визитёров.

Чанмин почувствовал неладное. Шэн Лююй заселился сюда только вчера, и руководство академии без сомнения предоставило именитому гостю лучшие покои. Откуда здесь взялась столь непроходимым зарослям всего за сутки?

Он протянул руку и аккуратно сорвал один из нераскрывшихся бутонов. Лепестки казались безупречными — нежные, бархатистые, покрытые тонкой сеточкой прожилок. Но стоило растереть цветок между пальцами, как обман тут же раскрылся: на коже не осталось и следа влажного цветочного сока.

Простая, но искусная иллюзия.

Без малейших усилий миновав призрачные колючки, он подошёл к дверям и несколько раз ударил тяжёлым бронзовым кольцом о створку. Не услышав ответа, Чанмин обождая пару вдохов и уверенно потянул ручку на себя. Дверь поддалась с тихим скрипом.

Просторный внутренний двор встретил его тишиной и безмолвием. На первый взгляд здесь не было ни души.

Чанмин медленно двинулся по вымощенной камнем дорожке, но, случайно скользнув взглядом в сторону, заметил яркое лазурное пятно среди зелени.

На мягкой траве под раскидистым деревом утун безмятежно спал Шэн Лююй. Его голова неловко покоилась на шершавом стволе, а изящная заколка из светлого нефрита валялась неподалёку. Пряди длинных тёмных волос живописными волнами рассыпались по земле, усыпанные увядающими листьями. Судя по всему, юноша почивал здесь уже не один час.

Сделав несколько бесшумных шагов к дереву, Чанмин смог разглядеть спящего поближе.

Тонкие черты лица Лююя казались почти прозрачными. Очевидно, из-за пагубного влияния демонической ци, терзавшей его тело, кожа юноши отливала болезненной белизной, напоминая кусок чистого нефрита, затерянного в вечных снегах. Тончайшая шёлковая повязка «Облачная дымка» сползла к самой переносице, открывая изящный изгиб бровей и плотно сомкнутые веки.

Несмотря на столь юный возраст — а ведь ему едва исполнилось пятнадцать, — нельзя было не признать, что человеческий облик Птицы Вечного Света отличался безупречной, пусть и пугающе холодной красотой.

В груди Чанмина шевельнулось странное чувство. Пожалуй, именно так и подобало выглядеть истинному созданию Небес.

Внезапно ресницы спящего дрогнули, и он едва заметно повёл носом, словно уловив посторонний запах.

Известно, что у слепых или глухих прочие органы чувств обостряются до предела, возмещая нехватку информации о мире. Шэн Лююй же лишился сразу двух чувств.

Сквозь сон он отчётливо уловил едва заметный аромат, в котором переплетались терпкие нотки кедровых орехов и благородного сандала. Совсем недавно этот запах уже дразнил его обоняние.

Чанмин молча созерцал его безмятежное лицо.

Длинные ресницы Лююя затрепетали, а «Облачная дымка» съехала ещё ниже, обнажая упрямо сжатые губы.

— Мерзавец?.. — сонно и едва разборчиво пробормотал он.

Тихий голос прозвучал на удивление мелодично, подобно перезвону тонких хрустальных подвесок на ветру.

Вон оно как.

Какое досадное заблуждение.

Похоже, хваленый обет молчания давался этому изнеженному недотроге с большим трудом.

Чанмин беззвучно отступил на несколько шагов назад, предпочтя держаться на безопасном расстоянии — подальше от чужих сонных откровений. Интуиция подсказывала ему, что это нелестное прозвище предназначалось именно ему.

<http://bllate.org/book/18249/1750584>